

Анастасия Пырченкова

Выбери меня, девочка

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
П95

Пырченкова, А.

П95 Выбери меня, девочка/ А. Пырченкова — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 302 с. — (Девочка).

ISBN 978-5-517-11029-9

Мой долг, как послушной дочери, выйти замуж за избранного мужчину. Его долг — присматривать за мной и следить за моей нравственностью. Но чем больше времени мы проводим вместе, тем сильнее во мне растет желание к нему. И все чаще хочется закричать: «Не отдавай меня ему». Но моя свадьба все ближе, а он... что будет делать он?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-11029-9

© Пырченкова А., 2024
© Кондр С., Соловьева А.,
оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

Этери

ПРОТИВНЫЙ ПИСК РЕЗКО ВОРВАЛСЯ В СПЯЩЕЕ СОЗНАНИЕ и все никак не желал униматься. С каждым мгновением становился только громче и нетерпимей, постепенно изживая из разума остатки сонной неги, вынуждая открыть глаза и осмотреться.

Вокруг темно.

И неожиданно тихо.

Показалось, что ли, спросонья?

Увы.

Звук повторился.

На прикроватной тумбочке рядом со мной засветился экран мобильного, оповещающая о входящем звонке от мамы.

Вот что за привычка названивать по ночам, чтобы проверить, дома ли я нахожусь?

Надоела со своим тотальным контролем.

С раздражением сбросила звонок, чуть подумала и вовсе отключила телефон.

Потом, конечно, попадет, но сейчас я зато выплусь!

Или нет.

Стоило только устроиться поудобнее в постели, как за спиной кто-то пошевелился.

Еще через мгновение на талию легла чья-то рука, придвинув меня ближе к ее обладателю.

Что за?..

Первая мысль, что это кто-то из подруг, разбилась о силу обнимающего меня. Да и сама ладонь слишком большая для девичьей. Поняла это, когда она легла на мою грудь и сжала, прежде чем замереть в таком положении.

М-ма-ма...

Кто это?

Кто-то из ребят, помимо девчонок, остался с ночевкой и пришел ко мне, перепутав с гостевой спальней?

Ну, тогда я ему сейчас с удовольствием об этом напому!

Я уже открыла рот, чтобы высказаться, когда по комнате разлилась мелодия похоронного марша. И все бы ничего, но я прекрасно знала, на чьем телефоне установлен такой специфический сигнал.

Да нет, быть не может!

Что бы этому человеку делать в моем доме, да еще в моей спальне и постели?!

Бред же полнейший!

В насмешку над моими мыслями лежащий за спиной вновь зашевелился, прижался крепче, стиснул грудь и наконец выпустил ее из ладони. Но прежде, чем я облегченно выдохнула, его ладонь сместилась ниже, надавила на живот, а затем вовсе легла туда, где еще ни один мужчина не бывал. И самое ужасное, что я лишь тогда поняла, что, ко всему прочему, пребываю без одежды. Задранный до подбородка футболка не в счет. Ведь в остальном на мне даже трусов не было!

Да что происходит?!

Собиралась спросить.

Но не спросила.

Еще недавно бездействующие пальцы пошевелились, породив между моих ног доселе неизвестное ощущение. Настолько приятное, что я как вдохнула, так и не выдохнула. Замерла. Волна порочно-острого удовольствия настолько неожиданно прострелила низ живота, что я просто не могла ей противостоять. А если бы и собиралась, все равно бы не получилось. Потому что за нею последовала еще одна, куда ярче предыдущей. Я только и смогла, что кое-как втянуть в себя воздух, прежде чем вновь затаиться. На этот раз виной всему горячее дыхание. Оно коснулось затылка, породив в том месте толпу мурашек. Они шустро побежали вдоль всего позвоночника, задели, кажется, все нервные окончания и закончили свой путь там, где по-прежнему властвовали мужские пальцы, добавив удовольствию больше остроты.

О. Мой. Бог.

Что он творит?

Совсем, что ли?!

Берега попутал...

А я?

Почему я не останавливаю его?

Позволяю прикасаться к себе подобным образом...

Тому, с кем даже в мыслях не стоило такое представлять, не говоря уже о том, чтобы в жизнь воплощать.

— Ас... Аса... тиани... — выдыхаю в попытке образумить мужчину.

Или скорее себя.

А лучше нас обоих.

Но голос настолько тихий, невнятный, больше похож на писк, что он вряд ли понимает, что я говорю. Скорее принимает за поощрение. Пальцы скользят дальше, раскрывают, надавливают. Совсем чуть-чуть, но этого хватает, чтобы меня захлестнуло ощущение неизбежного падения в пропасть. Нет,

не срываюсь в нее. Пока. Нависаю над ней, едва удерживаясь на краю за тонкую нить воли. Вот-вот оборвется.

— Ильяс... — предпринимаю новую попытку образумить мужчину.

Безрезультатно.

Если и слышит, то все равно не внимает моим словам, продолжая доводить меня до иступления своими чересчур откровенными действиями. Воля окончательно ломается под таким натиском. Я все-таки лечу в бездну бесконечного удовольствия, сотканную для меня самим Асатиани. Вместе с резким толчком его пальцев внутрь моего тела.

— Ильяс... — выдыхаю с криком-стоном.

Волос касается его вторая рука, сжимает в своем кулаке, вынуждает запрокинуть голову, открыть доступ к шее. Тонкую кожу обжигает горячее дыхание, и вкупе с тем, что творит другая ладонь, это ощущается как приговор.

Он не целует, сразу втягивает в себя кожу в месте, где бьется мой сошедший с ума пульс, и этого хватает, чтобы желание окончательно потеснило разум и волю. Лишило последних остатков сопротивления. И когда ягодиц касается твердая горячая плоть, оставляя на коже липкий след, я только теснее прижимаюсь к лежащему за моей спиной.

Где-то на задворках разума все-таки мелькает последняя мысль, что я должна прекратить. Но это слишком далеко и неважно. Забывается под натиском уверенных толчков мужских пальцев в меня и нового поцелуя-укуса. Захлебываюсь в ощущении растущего удовольствия. Вот-вот погребет под собой. Вместе с тяжестью чужого веса на мне, когда Ильяс переворачивается и вынуждает лечь на живот. Я сама приподнимаю бедра, чтобы ему было удобнее продолжать свои ласки, в которых сейчас нуждаюсь, как наркоман в новой дозе.

Ильяс стаскивает с меня футболку свободной рукой и что-то шепчет на грузинском, но я едва разбираю. Слишком гром-

ко стучит в висках пульс. Громче только мои стоны, которые я больше не в силах сдерживать. А ему и того мало. Он ускоряет свои движения во мне, и все, что я могу, — это подаваться навстречу, уткнувшись лицом в подушку, и задыхаться от растущего во всем теле напряжения. Мышцы сводит, пальцы на ногах поджимаются, и, когда Ильяс, помимо всего прочего, давит на клитор, так нужно и правильно, меня наизнанку выворачивает. Острая волна удовольствия выгибает меня навстречу горячему телу за спиной, внутренние мышцы начинают сжиматься вокруг мужских пальцев так интенсивно, что перед глазами на мгновение темнеет. До звона в ушах.

И не сразу я понимаю, что звон — это не звон вовсе. Точнее, не тот, которого можно ожидать. Входной звонок. Кто-то пришел. Так не вовремя. И вместе с тем меня как ледяной водой окатывает, возвращая в реальность, где я лежу под мужчиной абсолютно голая, а он собирается завершить начатое.

— Нет! — выкрикиваю, подаваясь резко вперед.

Ударяюсь макушкой в стену впереди, но плевать.

Я уже достаточно пришла в себя, чтобы осознавать все свое грехопадение и стремиться предотвратить его окончание.

Конечно, мужчина недоволен таким поворотом.

За спиной слышится хлопок, и тьму спальни озаряет тусклый свет ночника откуда-то сбоку. И все бы ничего, но это не мой ночник, не моя спальня, и я нахожусь совсем не у себя дома.

Ой, мама...

ГЛАВА 2

С ижу. Смотрю в черные глаза мужчины и прямо чувствую, как меня заливают краской стыда и смущения от воспоминаний о том, что еще недавно происходило между нами. Ноющее ощущение между ног от недополученного удовольствия усугубляет мое состояние. Как и неутраченная жажда в ответном взоре наравне с непроходящим стояком. На который я очень стараюсь не пялиться.

Старалась.

Но взгляд позорно нет-нет да и съезжал вниз.

Никогда прежде не видела голых мужчин.

А посмотреть было на что. И без его возбуждения.

Широкие плечи, сильные руки, прокачанные грудные мышцы, рельефный пресс...

И да, взгляд опять против воли уткнулся туда, где все большое и твердое.

Да блин!

Сколько можно?

Туда пялиться...

Вот только я не решаюсь попросить Ильяса прикрыться. Как и не прошу подать мне лежащую рядом с ним футболку,

которую он с меня успел стащить чуть раньше, или слезть с одеяла и позволить мне в него завернуться. Почему-то кажется, если заговорю, все станет только хуже. Вот и молчу. В какой-то момент не выдерживаю, первая опускаю взгляд. Смотрю на свои ладони, а в голове назойливо бьется мысль о том, что лучше бы не было этого звонка. Глядишь, я бы потом проснулась и не вспомнила ни о чем, приняв реальность за сон.

Глупая мысль.

Такое за сон точно принять не получилось бы. Как не получалось сейчас. Настойчивая трель звонка тому лишнее подтверждение. Не знаю, кто там столь яро рвался в квартиру, но Ильяс не спешил идти открывать гостю дверь.

Сидел, угрюмо смотрел на меня, до хруста сжимая-разжимая покоящиеся на коленях кулаки, и явно думал что-то нехорошее. Хотя я вроде как ни в чем особо не провинилась, если так подумать. Просто слишком неадекватно среагировала на его действия спросонья.

В конце концов, меня до него никто не соблазнял.

Наверное, можно на этом фоне простить мое легкомыслие.

Ведь можно, правда?

Или стоит признать официально свое грехопадение?

Я ведь и правда падшая. Позволила мужчине к себе прикоснуться до свадьбы. Причем даже не жениху. Тому, на кого никогда до этого не смотрела в подобном ключе. Ильяс всегда был просто другом старшего брата, не более. А теперь...

— Так. Ладно. Ситуация неприятная, но не смертельная, — заговорил он, по ощущениям, вечность спустя, потерев ладонью лицо. — Твоя девственность на месте, а значит, не о чем переживать. Все остальное... Никто не узнает. Ни твои родители. Ни твой жених. Ни кто-то еще. Останется здесь, между нами. А там и вовсе скоро забудется. Так что не о чем переживать.

Кого из нас двоих убеждал в этом на самом деле — вопрос.
Тем более меня его слова совсем не успокоили.

Воображение позорно отказывалось воспроизводить такие откровения с участием Тенгиза.

Да и как такое возможно, если меня до сих пор не отпустило желание закончить начатое с самим Ильясом?

И, по его словам, я потом вот так же легко еще и с другим захочу?

Настолько я испорченная, по его мнению?

Могу легко забыть случившееся между нами и продолжить жить дальше как ни в чем не бывало...

Девственность же на месте.

А если бы нет?

Что бы он сказал тогда?

Тоже предложил бы забыть?

Или что?

Что бы он стал делать тогда?

Все эти вопросы так и вертелись на языке, но я ни одного из них не озвучила.

Какая разница?

Девственность же на месте!

Чуть не скривилась при этой мысли.

А еще почему-то стало очень обидно.

Получалось, для него и правда ничего особенного не произошло.

Хотя о чем это я?

Все ведь вышло совсем случайно. Спросонья. А не по согласию и знанию.

Да и, если так подумать, все произошедшее — моя вина.

Я спровоцировала данную ситуацию.

Не поведи я себя накануне столь безрассудно, позволив одноклассникам напоить себя, не обратиться я к нему за помощью, чтобы избежать взбучки от родителей, не случилось бы всего